

СЕРГЕЙ МИЛЬШИН

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ

РАССКАЗ

Благодарю Аню Шабанову, ученицу школы № 11 из Губкина, за сохранённые воспоминания своих родных.

Федот Сурков очнулся от того, что кто-то стягивал с ноги ботинок. Человек, разувавший его, что-то бормотал. Напрягшись, Федот разобрал несколько слов:

— Извини, браток, тебе всё равно уже. Завтра помрёшь. А мне твоя обутка ещё пригодится.

Сил пошевелиться не хватило, лишь чуть-чуть разжал веки. В сумерках под арочным потолком церковного подвала качалась незнакомое обросшее лицо. Встретившись взглядом, человек поспешно отвернулся. Прижав ботинки к груди одной рукой, второй, упираясь в бетонный пол, торопливо пополз. Чей-то надтреснутый голос спросил:

— Помер, что ли?

Ответа Федот не услышал. Потолок закачался, и он снова потерял сознание.

Колонну пленных в село Стрелецкое пригнали неделю назад. Студёный январь 1943 года вымораживал даже слезинки на щеках, а сугробов навалило по пояс. Но тогда Федот ещё мог передвигаться, и в подвал с грехом пополам спустился. Ещё в пути он понял, что заболел. Кружилась голова, горло

Сергей Мильшин родился в городке Учкудук в Узбекистане, а детство провёл под Новосибирском. В девяностых вместе с семьей переехал в Белгород. Член Союза писателей России. Его перу принадлежат книги "Тяжёлый Афган", "Атаман", "Пластуны", "Тишка", "И была война". Мильшин входит в состав Совета региональной организации "Боевое братство". Живёт в Белгороде.

разрывал кашель. Чувствуя, как наваливается слабость, он мечтал упасть на свежее сено, и чтобы никуда идти. Мечта сбылась, хотя и не полностью. Загнав пленных в подвал, немцы, казалось, забыли о русских. Сена здесь не нашлось, ледяной бетонный пол выворачивал холодом суставы и добавлял выстуженных тел в яме на пустыре, работая не хуже немецких пуль.

Больных и раненых и в колонне хватало. Пока шагали по утоптанной сотнями солдатских ног зимней полёвке, на её ледяную поверхность то и дело падали выбившиеся из сил пленные. Кого успевали — поднимали свои, кого не успевали, добивали фрицы. Как-то он обернулся. По обочинам дороги до мутного горизонта бесформенно бугрились тела убитых бойцов Красной армии. Похоронят ли их?

И здесь, в подвале, каждое утро, подкормив пленников жидкой похлёбкой, полицаи вытаскивали наверх несколько тел умерших ночью.

Пару раз в подвал пробирались бабы из местного села, искавшие кого-нибудь из родных. Пока Федот был в сознании, он не слышал, чтобы поиски увенчались успехом.

На третий день он уже не смог подняться за порцией баланды, и сжимающаяся жизненная сила не получила и той самой малой утренней подпитки. Впрочем, последнее время он всегда чувствовал себя голодным. Вода, чуть разбавленная рыбьей тубухой, которую немцы называли похлёбкой, голод утоляла слабо. На четвёртый день Федот первый раз провалился в беспомыслие. В голубом небе плыли далёкие аисты, плечи нагревало летнее солнышко, и не было войны. Очнувшись, он оглядел подвал, в который тесно набились бойцы, и слёзы потекли по вискам.

В следующий раз он пришёл в себя от холода, хотел пошевелить заочневшими ступнями, но они не слушались. Рука поползла по груди, пытаясь застегнуть пуговицу на телогрейке, но ладонь скользнула по распахнутой гимнастёрке. Он понял, что телогрейку с него тоже сняли. Действительно, зачем она умирающему? Он понимал, что замерзает, догадывался, что это плохо, но почему, сообразить не мог. В какой-то момент глаза нащупали тусклое пятно между ним и потолком. Он постарался проморгаться, пытаясь разглядеть его, но видение расплылось ещё больше.

— Горедушный какой!

Голос донёсся словно издалека, и он почувствовал, что на грудь опустилась приятная обволакивающая тяжесть. И с ней пришло тепло. Ему подняли ноги, и тоже закутали.

— Счас я тебя покормлю.

Покормят — это хорошо. А кто? А чем? А, вообще, почему? Вопросы всплывали в голове, будто разноцветные шарики калейдоскопа. Ответов не было, он их и не ждал. Мягкая женская рука приподняла голову, и Федот почувствовал, как тёплая жидкость полилась по подбородку.

— Ну-ну, давай, солдатик, открывай ротик.

Федот послушно разжал запечённые губы. Как же вкусно! Это был бульон, не понятно на чём. Но какая разница! Каждый глоток, казалось, возвращал бойца к жизни. С последней ложкой немного прояснилось зрение, и Федот увидел свою спасительницу. Пожилая женщина, закутанная в шерстяной платок. Лица он не разглядел, темновато в подвале.

— Вот молодец, — голову аккуратно опустили на мягкое.

Словно отвечая на вопрос, женщина тихо проговорила:

— Я тебе рукавички под голову положила, — и, склонившись ещё ниже, добавила еле слышно: — Под боком продукты оставлю, пару яичек там, хлеба кусок, луковица. А счас поспи, милоч.

Федот чуть улыбнулся опухшими губами. Её лицо качнулось, и над бойцом снова навис куполообразный потолок подвала. Уже засыпая, он услышал знакомый надтреснутый голос:

— А ну, не тронь его.

И оправдывающееся неразборчивое бормотанье в ответ.

Разбудило Федота негромкое постукивание половника о стенки кастрюли. Веки поднялись не сразу. Ему показалось, они примёрзли. А может, и правда, примёрзли. Пришлось растирать глаза ладонью.

Неподалеку полицаи разливал похлёбку. Он опускал поварёшку в подставленные тарелки, будто выполнял давно осточертевшую работу. В распахнутую дверь проникал приглушённый дневной свет, тянуло холодом. В очереди за едой оставалось два бойца. Есть хотелось до нетерпения. Федот попробовал подняться. Слабая рука с трудом удержала его сидящего. Голова закружилась, и он опустил глаза. Звуки долетали до него, словно через прижатую к уху телогрейку. Люди что-то говорили, постукивал половник. Постепенно головокружение затихало.

— Эй, земля, ты как, тарелку удержишь? — На него смотрел худой боец в широкой шинели, прожжённой в нескольких местах. Федот ещё подумал, какие у него глаза большие. Но потом понял, что это впечатление обманчивое, просто он очень тощий.

— Говорю, удержишь? Я на тебя взял.

Незнакомец протягивал Федоту миску с похлёбкой. Его миску. Федот узнал её по характерным заусенцам по краю.

— Попробую.

Он чуть наклонился вперёд, освобождая руку за спиной, и пальцы вцепились в посудину. Она была тяжёлой, но Федот ни за что бы не выронил еду. В ней была его жизнь, Федот знал это точно.

Боец отполз к стене. Наблюдая за Федотом, допил из своей тарелки. Ложками здесь не пользовались, и Сурков тоже выглотал жидкую, больше похожую на воду похлёбку через край. Вытерев саднящие губы, он вспомнил, что не поблагодарил знакомого. И тут же встретился с ним взглядами. В глазах бойца читалось сочувствие и усталость.

— Спасибо, земляк.

— Не за что. — Тот слабо улыбнулся. — Я гляжу, ты на поправку пошёл.

Федот в три приёма прилёт, с удивлением осознавая, что одет в полушубок, а ноги завернуты в портянки. Он шевельнул пальцам ног, и они послушались. В подвале сидел и лежал народ, но на него никто не смотрел, кроме нового знакомого. Лёжа, развернулся к стене:

— Слышь, земляк. А кто это меня так одел?

Тот тщательно вылизывал свою тарелку.

— Ты не помнишь, что ли? Баба тут была, мужа свою искала. Не нашла, так ты ей чем-то приглянулся. Вот и помогла.

— А звать-то её как?

— А кто ж её знает? Не представилась. Искала Ивана какого-то. Фамилию говорила, не запомнил. А ты, это, переползай ко мне. Тут у стенки поменьше дует.

Федот приподнялся на локте:

— Счас, попробую. А тебя как звать-то?

— Александр. Танкист я.

— А я Федот, пехота. С Волги, село Малобыково. Не слыхал?

— Не-а. Я сибирский.

Наверное, минуту он глядел на богатство, обнаружившееся под боком: два яйца, кусок хлеба и луковица. И вспомнил. “Ай да баба! Ай да человек”! Подперев друг друга плечами, они с наслаждением уминали подарки от спасительницы, а Федот только так и называл в мыслях эту незнакомую женщину. Тщательно пережёвывали каждый кусочек, медленно хрустели луковицей. Потом, глотая слёзы, подобрали почти неосязаемые крошки. И вместе отвалились к стенке. Впервые за много дней Федот почувствовал себя сытым. Он отдыхал, навалившись на ледяную стену. На голову сыпалась завывающая на стенке снежная изморось. Но сейчас и она не мешала бойцу наслаждаться состоянием сытости. Он блаженно щурился, чувствуя, как одолевает дремота. Александр, заметив, что товарищ засыпает, подвинулся, освобождая место.

Федот проспал до вечера. А открыв глаза, понял, что чувствует себя здоровым. Покряхтев, с трудом уселся. От слабости закружилась голова. Но в этот раз головокружение прошло быстро. Только пальцы дрожали.

Сосед, заметив, что Федот разглядывает дрожащую руку, ободрил:

— Ничо. Это пройдёт. Главную немочь ты преодолел.

Высоко, под самым потолком, подвал освещало крохотное окошко с разбитым стеклом. Бойцы заткнули его какой-то тряпкой, но по краю свет немного проникал. Когда начало темнеть, Федот, придерживаясь за стену, поднялся на ноги. Танкист хотел его придержать, но боец отстранил руку.

— Сам.

Сделав свои дела в углу, где красноармейцы устроили туалет, он вернулся уже более уверенно. В сумерках Федот заговорил о побеге. Танкист склонился над его ухом, и отрывистый шёпот обдал горячим дыханием:

— Я уже сам не раз думал. Но пока не решился. Тут один офицер с оторванными лычками пытался народ уговорить, да не вышло у него. А утром его увели. И больше не вернулся.

— Неужто донёс кто?

Александр вздохнул:

— Всё может быть. Народ-то разный. Из полсотни нормальных обязательно какой говнотик найдётся.

— Бабы же к нам как-то заходят.

— Бабы немцу продуктов каких сунут, и их пропускают. Я так понял, если бы они кого своих нашли, отпустили бы.

— Даже так?!

— Жаль, я не местный.

— Да и я такой же. Так что насчёт побега? Что думаешь?

— А что думать? Бежать надо. Ночью нас не охраняют. Засов с той стороны задвинут, и всё.

— А как его открыть-то?

Александр отстранился, что-то вытаскивая из кармана.

— Во что у меня есть. — В темноте забелела крышка от консервной банки. Александр спрятал крышку обратно. — Ещё в дороге подобрал. Да всё никак не пригодились. Один я бы не рискнул. А вот вдвоём можно.

Федот настороженно оглянулся, но на них вроде не оглядывались. Разве что боец, одетый в две телогрейки, одна на одну, неприязненно разок покосился на Федота. Но тот не придал этому значения:

— Тогда нонче идём?

Александр подтянул под ноги полу.

— Идём, только твои ботинки надо вернуть.

— Ты знаешь, кто снял?

— Вон он сидит. В двух ватниках. Один из них твой. Как и обувка.

— Вот гад!

— Айда. Заберём.

— Айда.

Вдвоём присели на корточки перед бойцом. Тот поднял виноватые глаза. Без слов потянулся снимать ботинки.

— Я же думал, ты помираешь.

— И что? Добить надо было?

— Я ничо. Извиняй уж. Ватник тоже снимать?

— Оставь себе, гнида.

Боец потушился, протягивая ботинки. Кто-то спросил:

— Что тут у вас?

Александр зло прищурился:

— Гниду выдавливаем.

— Своровал что ли?

— Хуже. Мародер. Больного раздел.

Несколько лиц, не обещавших ничего хорошего, обернулись к бойцу. Тот вжал голову в плечи.

— Скажи спасибо, не то место, чтобы дерьмо учить. Мараться неохота. Живи, паскуда! — танкист потянул Федота за рукав. — Пошли. Нечего нам тут делать.

У стены снова присели. Федот натянул ботинки прямо на портянки. Теплее будет. Снова привалившись друг к другу плечами, затихли. Ночь заливала пространство подвала тусклым сиянием луны. Куржак на стенах светился

загадочной голубизной. Народ похрапывал. Кто-то ворочался под окном. От двери доносились слабые стоны. Они решили никого не посвящать в план побега. Получится — ради Бога, дверь оставят открытой, беги, кто хочет. Дело добровольное. Но сами будут молчать до последнего. Вдруг тот предатель ещё здесь. Переглянувшись, кивнули. И разом поднялись. С пятой или шестой попытки Александр отодвинул засов. Дверь легко поддавалась.

— Парни, вы чего?

— Они дверь открыли.

— Бегим, братцы!

Оставляя за спиной неуверенные возгласы, шмыгнули на улицу. За углом маячил часовой. Но если повернуть в другую сторону, не заметит. Александр сунулся первым. Федот устремился за ним. Слегка шатало. Но он крепился изо всех сил. Не до слабостей. Воля на кону. А значит, и жизнь.

Они не продумали, что будут делать на улице. До последнего не верилось, что получится. И, пробравшись за угол храма, растерялись. Впереди среди редких деревьев, утопающих в снегу, тянулася раздваивающаяся тропинка. Куда ведёт — неизвестно. Александр обернулся:

— По какой пойдём?

Наугад, словно в омут головой, брякнул:

— По левой.

Пыхтя, как паровозы, побежали по тропке, уводящей вниз, к замершим домикам села. Там ни дымка, ни звука. И за спиной тихо. Значит, пока никто не попался. Пусть и дальше так же.

Шагов через сто перешли на шаг. Вовремя: Федот, задыхаясь, покачнулся. И упал бы, не подвернись под руку ствол дерева. Навалился, дожидаясь, когда расплзётся муть перед глазами. Александр продолжал удаляться. Федот хотел крикнуть, но голос подвёл. Только хрип вырвался из груди. Он повис на дереве, пытаясь отдышаться. Лишь через несколько минут сумел пойти дальше. Шёл теперь один, долго, пока не добрёл до деревни.

Сбоку к глиняной избе притулилась пустая саманная сараюшка. Перед ней явно пустая конура. С другого бока — навес. Наверное, когда-то там хранили сено. Его остатки, занесённые снегом, ещё виднелись. Два маленьких окошка выглядели нежилыми. Но на стекле изнутри намёрз слой льда. Значит, там тепло.

Стук получился глухой, пальцы-то в рукавицах. Он замер, оглядываясь. Вокруг, насколько видно, никого. И ни звука. Ни собачьего брёха, ни человеческих голосов. Как вымерло всё.

В гулкой тишине пронзительно скрипнула открывающаяся дверь.

— Кто там? — настороженный мужской голос.

Федот отвернул воротник, чтобы не заглушал звуки:

— Я это. Сбежал из подвала. Пленный. Помогите, ради Бога.

Дверь не шелохнулась. Человек тоже не двигался. “А как не пустит? Тогда амба. Пропаду”, — страх потной струйкой покатился по боку из подмышки.

— Подь ближе, — человек, наконец, решился.

Несколько шагов, и Федот уже перед дверью. Чтобы не упасть, упёрся о косяк.

— Да ты еле стоишь. Заходи.

В доме шустрая рука подпалила лучину. Мерцающий свет залил высокую печку, кровать у стены, стол, пару лавок. Закутавшаяся в платок женщина ахнула:

— Никак, наш?

Федот тяжело опустился на лавку:

— Наш. От немцев убёг. Переждать бы. А потом уйду.

Высокий, лет под сорок мужик остановился напротив. Тяжело навалился на стол:

— Мать, собери ему пожрать там, что есть.

Женщина без слов кинулась к печи.

Три круто посоленные картошины. Наверняка оторвали от себя. Но если не съесть — не уйти. Доедая последнюю, раскашлялся. Кашель согнул.

Он хоть и пытался прятать лицо в воротник, всё равно выходило громко.

С печки выглянула девичья головка:

— Тятя, кто у нас?

— Спи, — мать решительно задёрнула занавеску на печке. — Дед Пихто.

— Ладно, — решил мужик. — Ложись пока на лавке. Завтрева будем думать.

Федот благодарно закивал, опускаясь на твёрдую поверхность лавки. Уже засыпая, углядел, как заботливые руки подкладывают под голову ватник. В избе нетоплено, раздеваться он и не подумал, мигом уснул.

Проснулся от тепла. Впервые за много дней. И сел, закашлявшись. За окном поднималось стылое солнце. Розоватые лучи били в стекло, и лёд на нём играл, переливался радужными красками.

— Проснулся, вот и хорошо. Счас завтракать будем, — женщина уже хлопотала у печи.

В ней горел слабый огонь, мягкое печное тепло растекалось по дому. Мужик, уже одетый в затёртый тулуп, уселся за стол напротив. И только тут Федот заметил, что у него пустой рукав.

— Будем знакомы, — доброжелательная улыбка мужика утонула в густой короткой бороде. — Степан Васильевич Торохов. А это жена моя, Анастасия.

Женщина, тоже улыбнувшись, обернулась.

— Федот Сурков, боец Красной Армии. Бежал давеча из плена.

— Из церкви? — не то спросил, не то констатировал Степан Васильевич.

— Из неё.

— А как же удалось-то? Немцы же там?

Федот коротко рассказал о побеге. Поделится соображениями о том, что искать будут. И замер, ожидая реакции хозяев.

На печке зашуршало, и из-за занавески высунулась пара детских ног. И следом вторая. Один за другим на лавку выбрались трое детишек. Старшая девочка лет двенадцати, и мальчики примерно пяти и двух лет. Дети, чинясь постороннего человека, молчали. Но любопытные глазёнки то и дело шныряли в его сторону.

Федот улыбнулся. Девочка подняла серьёзные глаза:

— А ты кто?

Пока Федот думал, что ответить, Анастасия, испуганно глянув на бойца, опередила:

— Дядя Федот это, сродственник наш, с Пушкирного.

— А ты немцев бил?

Это старший мальчишка. Строгий не по-детски взгляд, словно испытывает. Ответишь неправильно, и в этих глазах навсегда поселится недоверие.

И снова Анастасия пришла на помощь:

— А ну, бегом до ведра. Умываться и за стол. Завтрак ждёт.

Дети по очереди сползли с лавки.

Снова картошка. И две свёклы. Их отец порезал на дольки, и всем досталось поровну. Ели в полной тишине. Неожиданно за окном прорычал мотоцикл, немецкая речь словно подбросила Федота с лавки. За ним подскочили и Тороховы. У окон на несколько секунд стало тесно. Несколько немцев заворачивали к дому. Двое сразу направились к сарайке, трое окружили навес, в котором сиротливо поднимался метровой высоты стожок. Автоматная очередь заставила отшатнуться от окна всех.

— Что же делать? Расстреляют же! — Акси́нья, беспомощно глядя на Федота, подтянула к губам уголок платка.

Степан нахмурился, но суеты ни в одном движении:

— Так, лягай на лавку. Мать, иконы в изголовье. Большой ты, — пояснил он на невысказанный вопрос растерявшегося Федота. — Видок-то у тебя соответствующий. Только, это, мать, галифе ему чем-нибудь прикрой.

Лавка под бойцом качнулась. Акси́нья, затолкав детей на печку, метнулась к красному углу за иконами. Только замерли, как дверь, скрипнув, распахнулась. Перед неподвижным человеком рядом спиной к столу устроилась

семья Тороховых. Младшего мальчишку Аксинья держала на руках. Все дружно оглянулись на застывшего у порога немца. Низенького, белоглавого, в кудей шинели с поднятым воротником. Федот, ни жив ни мертв, прикрыл глаза. И дышать перестал. Степан медленно перекрестился, снова поворачиваясь к Федоту. За ним и остальные отвернулись от немца. Они не репетировали, получилось само собой. Просто от страха не могли и слова вымолвить. Но фашисту это знать ни к чему. Пусть лучше думает, что семья прощается с умирающим родственником.

— Это кто? — немец выговорил слова с сильным акцентом.

Только бы мальчишки молчали. Старшая-то всё поняла мигом.

— Брат помирает. Тиф, наверно.

Внимательный взгляд немца скользнул по фигуре умирающего, прикрытого тканой дорожкой. Сомнения вроде не возникло. Да так и выглядит человек, которого болезнь съедает: щёки впалые, чёрные, заросшие, нос заострённый. Федот представил, как смотрится со стороны.

Взгляд фашиста прошёлся по каждому ребёнку, задержался на пустом рукаве Степана. Обшарив печку, остановился на мисках. У Анастасии оборвалось что-то внутри. Посуду не убрала. Догадаетесь, что поели только что. А какая еда при больном-то, ещё и тифозном?

Немец потоптался у входа, и дверь снова скрипнула. Федот выдохнул. Сидели ещё минут пять, пока фрицы не убрались к соседнему дому. Первым приподнялся Степан, заглядывая в окошко.

— Ух, кажись, пронесло.

Федот спустил ноги на землю. Тоже заглянул в окошко. Икона, приваленная к его голове, хлопнулась об лавку. Анастасия вздрогнула и перекрестилась:

— Не попустила матушка-заступница.

И тут улыбнулась дочка, легко спрыгивая с лавки.

— А немцы и не поняли, что у нас Федот, да не тот.

И после этих слов словно отпустило всех. Разом задвигались, заговорили, покатались детские смешки, расцвели улыбки взрослых.

Федот поднялся, чувствуя, как мелко дрожат колени. Громко сглотнув, отвесил поясной поклон:

— Вовек не забуду.

— Что ты, родненький. А как по-другому-то? — Анастасия улыбнулась мягко, по-родному, и Федот почувствовал, как защипало в уголках глаз.

Он ушёл на следующий день. Тороховы снабдили бойца старенькими короткими лыжами и сидором с продуктами на пару дней. Объяснили, как пройти к Алексеевке, селу, у которого стояла Красная армия, и уже в сумерках спина бойца растворилась за крайними деревьями заиндевелой рощицы.

Федоту повезло, и он добрался к своим. Пережил двухнедельный карантин у особистов. Шибко его не мучили, разве что на допросы несколько раз вызывали. Ну, вопросы каверзные, это да. Тут понимание надо иметь, всякие из-за линии фронта приходили. Отвечал уверенно, честно. И про плен поведал, и про спасение. И как пробирался через заснеженную Белгородчину. Ничего не скрывал.

А потом Федота Суркова направили на фронт, в родную пехоту. Освобождал Запорожье, Херсон, Одессу. С боями прошёл Румынию и Болгарию. Воевал до победы. И всегда вспоминал семью Тороховых из Стрелецкого.

После войны Тороховым стали приходить письма из небольшого волжского села Малобыково. Федот писал о себе, что живёт только благодаря им.

А подписывался так: “Федот, да не тот”.